

ДЛЯ ВСЕХ ГРУПП.

ИВАН ПОДДУБНЫЙ: О ПОЛЬЗЕ МОЛОКА И БАБЬЕЙ ВРЕДНОСТИ.

В 1910 году один японец основал в Париже школу джиу-джитсу. В рекламных целях пригласил померяться силой шестикратного чемпиона мира по классической борьбе, русского богатыря Ивана Поддубного... В общем, потом еще добрых полвека европейцы считали шарлатанством и джиу-джитсу, и остальные виды восточных единоборств. Ведь тот поединок длился секунд двадцать. Иван Максимович не просто прижал японца к ковру, но и ненароком сломал ему ногу. ...

ЖЕРТВА ЛЮБВИ ВЕСОМ 114 КИЛОГРАММ

Выемка в широком подбородке, кольца нафиксатуренных усов, горделивая осанка, выдающийся рост (для начала XX века 185 сантиметров — невиданно много). Он делил человечество на сильных и прочих. Любимой шуткой Поддубного было дать кому-нибудь поддержать свою массивную трость. Десяносто девять человек из ста роняли ее себе на ногу — трость-то, с виду деревянная, внутри была сплошь из чугуна. В 10-х годах в Петербурге был выпущен альбом “Борцы”, и Поддубному там дана такая характеристика: “Силен, что стихийный ураган. Из всех законов жизни знает один: “homo homini lupus est” (человек человеку волк). Не бросит, так поломает”. “Есть ли на Земле кто-нибудь, кто вас одолеть может?” — спрашивали Поддубного. “Есть! — Вздыхал великан. — Бабы! Всю жизнь меня, дурака, с пути-дорожки сбивали”. Впрочем, если б не одна баба, а, вернее, девка, Иван Максимович, может, и борцом-то не стал бы, а крестьянствовал бы, как и его отец да братья, никогда не покидая пределов малороссийского села Красёновки. Наследственность у Ивана Максимовича — самая что ни на есть счастливая. Его родня по матери, Науменки, отличались здоровьем и долголетием — кое-кто и до 125 лет доживал. Ну а Поддубные на всю Полтавщину славились богатырской силушкой.

Отец, Максим Иванович останавливал бричку, взявшись за колесо, за рог пригибал к земле бугая. Однажды они с Иваном везли в город доверху груженую зерном телегу и намертво застряли в грязи. Выпрягли волов, встали на их место сами и сдюжили! Да мало ли геракловых подвигов приходилось совершать по крестьянской надобности! Только вот жили Поддубные все равно не богато — поди-ка, прокорми таких богатырей (кроме Ивана у отца с матерью — еще трое сыновей, и все как на подбор!), а земли-то всего ничего, около хаты сажень сто и в поле две десятины. Потому и дочь зажиточного крестьянина Витяка за Ивана не отдали, а ведь он ее любил, Оленку-то... Вот и уехал Иван, разобидевшись, из родного села в Севастополь. Устроился в порт — по четырнадцать часов в день таскать взад-вперед по трапу многопудовые мешки. Решил: подзаработаю, вернусь в Красёновку, обзаведусь хозяйством, пожалеет еще оленкин отец! Однажды сосед, ездивший по оказии чугуном в Крым, привез в Красёновку известие: “Иван ваш непутевый из порта ушел, гири в цирке кидает. Говорят, девка-венгерка его сманила, которая у них в цирке по канату ходит. Жениться он на ней, вроде, собрался”. Братья отписали Ивану: “Отец на тебя гневаются и грозятся обломать об тебя оглоблю. Лучше к Рождеству не приезжай”. Ну что ж! Не приезжать, так не приезжать! Да и Эмилию как оставишь? Замуж она, вишь ли, не соглашается, все на зрителей глазами своими черными зыркает — не иначе как богатого купчика подыскивает! Ох, уведут кралю! Эмилии — под сорок, Ивану — двадцать семь. Любящее сердце подсказывало верно: убежала-таки ветреница с одним купчиком. Но Иван из цирка не покинул — втянулся, во вкус вошел. Много там, конечно, было и жульничества. Для привлечения публики кое-кто из борцов мазался гуталином и изображал африканца, другой отращивал волосы, кутался в шкуру и ел на глазах у почтенной публики сырое мясо — мол, пещерный человек. Вот смеху было, когда этим ряженым заинтересовались ученые, и директору цирка пришлось от них откупаться. Впрочем, на Поддубного публика ломилась резвее, чем на пещерного человека! В “Парад, алле!” он, прогибая помост, выходил, удерживая троих гимнастов на вытянутой руке. Иной раз ему на плечи клали телеграфный столб, и с обеих сторон повисали человек по десять, пока столб не ломался. Но главный номер, конечно, сама борьба. Исконно русская, “на кушаках”: соперники забрасывали кожаные ремни друг другу на талию, брались за края. Задача — повалить противника. Поддубному, с кем бы он ни боролся, это удавалось максимум за пять минут!

После очередной победы публика выносила его, 114-килограммового, на руках. Лестно! Деньги, опять же, в цирке хорошие. После представления — на извозчика, едешь себе барином, знай, бегущим вслед мальчишкам пригоршни медяков бросай. “У меня ни разу никто часов не снял, бумажника из кармана не вытащил. А все мальчишки следят, карманников не подпускают”, — гордился Поддубный. Хорошая настала жизнь! А тут и новая любовь с Иваном приключилась. Тоже гимнастка. Однажды, раскачиваясь на трапеции, Маша Дозмарова кокетливо попросила: “Иван! Снимите меня”. Одной его ручищи хватило, чтоб обнять ее за талию — такая тоненькая! Когда поставил Машу на пол, оказалось, что она ему и до подмышки не достает. Дыхание в зобу сперло от нежности: как же она, такая хрупкая, выделяет на своей трапеции чудеса, крутится, повисает вниз головой? После представления Иван Максимович теперь всякий раз провожал Машу домой. По дороге она весело болтала, он все больше смущенно отмалчивался, поглаживая рыжий ус. Неудивительно, что Поддубный так невнимательно отнесся к письму из Петербурга. Его звали в столичное Атлетическое Общество, состоявшее под августейшим покровительством великого князя Владимира Александровича: “Не откладывайте приезда, так как он связан с вашей будущей карьерой. Президент Общества, граф Рибопьер”. Какой граф? Какой Петербург? Какое августейшее покровительство, когда его жизнь — это цирк, гастроли, Маша...

В Тифлис ехали поездом. По дороге Турнер — укротитель львов — дымил сигарой в открытое окно и рекламировал предстоящие грузинские удовольствия, вызывая Машин залихватистый смех: “Я знаю в Тифлисе один духан... Маша, вы пойдете со мной пить вино? Поддубного не возьмем — он же трезвенник! Бросьте его, Маша, ей Богу, бросьте! Вон, посмотрите, как он от сигарного дыма нос воротит! Все тело свое феноменальное бережет, пропащий человек! Пардон, пардон! Не смотри на меня так, Иван! Решено — в духан ты идешь с нами. Закажем тебе двух жареных барашков. Ты ж прожорливый, осилишь”... В духан они так и не попали. Турнер в первый же день тифлиских гастролей погиб от лапы взбесившегося льва. А еще через день Иван, стоя за кулисами, услышал странный шлепок, потом визг, крики... Выглянул на арену — пустая трапеция легко покачивалась под куполом. На арене, неестественно вывернув голову, лежала мертвая Маша. Все было кончено! Остывший от горя Иван побрел на вокзал и купил билет на ближайший поезд. Не важно куда, лишь бы прочь от Тифлиса, от цирка, от себя самого. Уже сидя в вагоне, узнал, что поезд идет в Санкт-Петербург. Что ж! Судьба сделала все, чтобы Петербургское Атлетическое Общество заполучило Поддубного...

ГАМБУРГСКИЙ СЧЕТ

Это было время, когда слово “спорт” понемногу входило в моду. В столице стали даже издавать специальные спортивные журналы, писавшие о воздухоплавании, автомобилизме и борьбе. Правда, спортом признавалась не та борьба на кушаках, которая входила в цирковую программу, а новая, французская. То есть ничего нового в ней не было — французы позаимствовали правила из античных источников. Теперь это называют классической борьбой. Вот ее-то Поддубному и предстояло освоить в считанные месяцы, оставшиеся до чемпионата мира в Париже (Петербургское Атлетическое Общество получило приглашение участвовать, а собственных достойных кандидатов в столице не нашлось). День был распisan по минутам. Сначала — пробежка по парку с пятифунтовыми гантелями в руках. Потом — “докторский ящик” (паровая ванна с пятидесятиградусной водой). Потом — ледяной душ. Потом — переодевание в новомодную форму: тонкая фуфайка, трико, высокие башмаки со шнуровкой. Восемичасовая тренировка на ковре. А по вечерам Иван рассматривал картинки в книгах, ломал неподатливый язык, заучивая чудные французские термины: “тур де бра” — захват руки и бросок через плечо, “тур де анш” — поднятие на бедро с захватом головы. О пропащей жизни задумываться было некогда... И вот — Париж. Одиннадцать вечеров подряд Поддубный играючи укладывал соперников на лопатки. И тут — в двух шагах от заветной ленты чемпиона — роковое жульничество двенадцатого противника, парижанина Рауля де Буше. Судьи присудили

победу Раулю за то, что тот ловко выскальзывал из захватов Поддубного. Еще бы ему не выскальзывать! “Мой противник смазан жиром!”, — на первых минутах боя пожаловался судьей Иван Максимович. Но те, вместо того, чтобы дисквалифицировать обманщика, велели ... время от времени вытирать его полотенцем. Ровно через минуту после такого обтирания тело француза снова покрывалось маслянистым потом. Вскоре Поддубному объяснили, что его соперник, этот бывший парижский мясник с фальшивой приставкой “де” к честной буржуазной фамилии, три месяца подряд втирал в тело оливковое масло. И что на чемпионатах мира честного судейства не жди — куда там цирку с его наивным пещерно-африканским надувательством! А если кто желает качать права, то всегда найдется способ его нейтрализовать. Например, выпустив против строптивца соперника, зараженного фурункулезом (несколько минут возни на ковре — и красные бугры на поясище обеспечены, а то и заражение крови). По-настоящему честный бой устраивается только раз в году, в одном трактире в Гамбурге, при закрытых дверях и завешенных окнах. Даже понятие такое появилось — “гамбургский счет”. Остальное же — форменное жульничество! “Ну что ж! И я стану хитрить, — решил Поддубный. — Но только на свой лад”. Случай представился через год, на следующем чемпионате мира. Даром что проводился чемпионат в Петербурге, финансировал его парижанин мсье Дюпон — антрепренер Рауля де Буше и других звезд французской борьбы. По контракту чемпион получал три тысячи рублей, еще две тысячи распределялись между вторым, третьим и четвертым местом. Предполагалось, что все призы возьмут подопечные Дюпона — на то и с судьями договор был...

СОСТОЯНИЕ В САЛФЕТКЕ

— Господа, это же позор для России! — кипятился партер. — Единственный серьезный отечественный борец — Иван Поддубный — совершенно не в форме! В технике не искусен, малоподвижен, неповоротлив. Не спортсмен, а медведь! Вот выйдет против него настоящий противник — и крышка! Мсье Дюпон хмурился, слушая подобные разговоры. Он же наводил справки: Поддубный тренировался весь год... Что-то здесь не чисто! Может, на всякий случай изменить условия контракта? Нужно, пожалуй, объявить публике, что все пять тысяч получит чемпион. “Шеф, кого вы испугались? — изумился Рауль де Буше. — Поддубный слаб! Поражение прошлого года раздавило его!” — “Болван! — отрезал Дюпон. — Русский дурачит всех, хитрит, экономит силы! Даже не надейся победить его на этот раз! Твоя задача — просто вымотать Поддубного как следует, и тогда нашему Полю Понсу будет проще с ним сладить. В финале ты “подвалишься” под Понса, это решено, не смей спорить! Все пять тысяч вручат ему — после счтемся”.

Рауль де Буше скоро убедился в дальновидности своего антрепренера. Схватка была недолгой, но обидчивый Поддубный ни единого живого места не оставил на теле своего врага! Единственное, что смог поделаться Рауль — это за секунду до того, как его лопатки были намертво прижаты к ковра, крикнуть судьям, что не хочет продолжать схватку. Получилось, что Поддубный победил его, но как-то, вроде, не до конца... Зато на другой день главную надежду Дюпона — Поля Понса — Иван Максимович прижал к ковра прежде, чем тот успел опомниться и сделать какое-либо заявление. Арбитр свистел возмущенно, но Поддубный не спешил выпустить поверженного соперника — в конце концов его стащили с бедолаги за ноги. “С французами иначе нельзя, — объяснил Иван Максимович свою грубость. — Непременно каверзу какую-нибудь выдумают”. Они и пытались выдумать. Пока зал ревел от восторга и на ковер летели картузы, котелки и цилиндры, мсье Дюпон о чем-то суетливо шептался с судьями. Поддубный догадался: они хотят вернуть первоначальный премиальный расклад... Ну уж врешь! Подняв руку и дождавшись тишины, Иван пробасил: “В афишах объявлено, что победитель получает 5 тысяч рублей. Прошу принести деньги”. Тут на ковер выбежал Рауль де Буше и, сорвав пиджак, требовал, чтобы Поддубный сейчас же боролся с ним — мол, накануне их поединок остался незаконченным. Зал взревел снова, требуя прекратить интриги. Во втором часу ночи меж рядов кресел, на ходу надевая шляпу с плюмажем, стал пробираться старик в пышном мундире — это был петербургский полицмейстер Галле. Он приказал арестовать кассу чемпионата, изъять пять тысяч и прямо на месте вручить Поддубному. Кто-то из публики догадался принести салфетку из буфета — в нее-то триумфатор и завернул свой первый капитал вместе с чемпионской лентой.

СНОВА НЕ ВЕЗЕТ В ЛЮБВИ

В 1910 году неумный Рауль де Буше предпринял очередную — теперь уже вовсе неспортивную попытку поквитаться с Поддубным — к тому времени уже шестикратным

победителем мирового чемпионата, обладателем уникального титула “Чемпиона Чемпионов”. И во время гастролей Ивана Максимовича в Италии нанял пятерых апашей (местных наемных убийц). Этот сговор подслушал другой французский борец — Эмабль де ля Кальметт, и был убит на месте. А вот Поддубный бандитов попросту раскидал. И, хотя “работа” осталась невыполненной, апаши стали требовать от заказчика плату. Тот отказался платить и тут же получил смертельный удар по голове резиновой палкой. Публике было объявлено, что Рауль де Буше скончался от менингита. Ему едва исполнилось 24 года... Поговаривали, что “Чемпион чемпионов” решил уйти из спорта именно после этой печальной истории. На самом деле в сорок лет Иван Максимович снова влюбился. Нина Николаевна Квитко-Фоменко была вовсе не похожа на его прежнюю хрупкую возлюбленную — громкоголосая, высокая, пудов шесть веса. “Существенная женщина”, — восхищался Иван Маскимович. А что родовитая дворянка, так он и сам теперь при желании любой титул купить мог. Решено было пожениться и на широкую ногу обустроиться в Красёновке. 120 черноземных десятин, усадьба в два дома с садом, щегольская коляска... О былых победах на ковре Ивану Максимовичу вспоминать было некогда. Разве что почитает иногда в газете об успехах своего бывшего ученика Николая Вахтурова, полюбуется на его портрет (грудь как бочка, шеи не видно, лоб низкий, лицо словно топором тесано): “Нинуша, погляди на него! Краше парубка я не видел! Злющий, как сто бесов”. Молодая жена, кажется, полностью разделяла интересы Ивана Максимовича. И хозяйством увлеклась всерьез — даже предложила выписать из Австрии механика, строить мельницу. Управляющим Поддубный взял своего брата Митрофана. Чрез что и прогорел — в самом буквальном смысле. Просто Митофан запьянствовал, был за это крепко побит и со зла спалил дорожную мельницу. Три года Поддубный учился хозяйствовать, да так и не научился — деньги кончились, пришлось возвращаться на цирковой ковер. Благо там теперь тоже боролись по-французски. Поддубный не горевал — главное, любимая жена рядом: “Нинушка весь свет мне затмила!” Не огорчала его даже утрата мастерства. Нет, до проигрыша дело не доходило, но вот вничью схватки заканчивались все чаще и чаще. “Иван Максимович, однажды вас положат на лопатки, это неизбежно, — увещевал антрепренер. — Так давайте извлечем из этой неизбежности побольше пользы. Если завтра вы “подвалитесь” под борца N — получите 3 тысячи рублей”. Что ж! Поддубный вышел на арену и, не дожидаясь, пока борец N к нему прикоснется, упал на спину. Зрители стали кричать, что это обман, требовали вернуть деньги. “Что вы наделали?”, — зашипел антрепренер из-за кулис. Поддубный усмехнулся: “Падать тоже надо уметь, а я же нэ научився”. “Валяя ваньку”, он почему-то всегда переходил на украинский... В 1917-ом Россия загорелась пламенем, но и тогда гастроли продолжались! В Керчи на Поддубного набросились озлобленные, голодные офицеры: “Разъели морду, мужичье! Стрелять вас надо!” Иван Максимович, конечно, намял обидчикам бока, но после пришлось спасаться из города на рыбацкой лодке. В Бердянске батька Махно велел цирковым бороться с его синезупанниками. Поддубный, понятно, победил — бандиты принялись орать, стрелять в потолок. К счастью, их отвлекли — в город ворвались красные. Первым делом они арестовали Ивана Максимовича, перепутав его с каким-то Поддубовым, повинным в еврейских погромах. К счастью, ошибка обнаружилась. Вся эта кровавая неразбериха занимала Поддубного ровно настолько, насколько касалось его самого. Трудно было найти в России человека более аполитичного, чем Иван Максимович. Такие абстракции, как социальный строй, борьба классов и даже патриотизм мало занимали его. Гораздо больше интересовало, как в голодные времена насытить громадное тело, привыкшее к обильному питанию. А потом навалилась и другая беда — жена сбежала от него, прихватив остатки накоплений, и даже ящик с золотыми медалями — два пуда золота! Иван Максимович неделю ни с кем не разговаривал и, кажется, никого не узнавал. Хотели уж свезти в сумасшедший дом, да понемногу страсти улеглись. Вот только во взгляде “Чемпиона Чемпионов” навсегда осталась некая утонченная горечь, плохо сочетававшаяся с мышечной мощью. Не прошло и полгода, как коварная Нина прислала письмо: “Прости! На коленях пройду весь путь к тебе, Ванечка!” Он не простил и не ответил. А через два года, осенью 1920-го, Ивану Максимовичу довелось встретить свою последнюю любовь. Мать молодого борца Ивана Машошина, вдова лет сорока. Когда Иван Максимович шел в их дом, соседки смеялись: “Вон жених идет!”. Мария Семеновна краснела: “Тоже мне жених. Чучело, а не жених”... К церкви Поддубный подкатил на автомобиле, с двумя представительными шаферами. “Венчается раб Божий Иван рабе Божьей Марии”... Так образовалась у Ивана Максимовича новая семья — на этот крепкая, настоящая. А семья — она денег требует. Вот бы пригодился теперь ящичек с золотыми медалями! Тут как раз

подвернулся чикагский антрепренер, предложил гастроли. Вскоре весь Чикаго был обклеен странными афишами: “Из России приехал знаменитый Иван Грозный! Человек, питающийся одним молоком!” “Хмм. Что-то вроде пещерного человека”, — усмехался в усы Поддубный. А, ладно! Грозный, так Грозный. Молоком, так молоком (посидел бы тот, кто это писал, на одном молоке, без хлеба, овощей и мяса!). Главное — чтобы заплатили прилично. Заплатили-то ему хорошо, но Америка Поддубному все равно не понравилась. Дикая страна, о классической борьбе слыхом не слыхивали! Бьют кулаками по лицу, ногтями царапаются, а то и за усы хватают, а в зале — вой, свист, драки, бутылки на ринг летят. В России лучше.

РОКОВАЯ БИЛЬЯРДНАЯ

1927 год. Вернувшись из Америки, Поддубный осел с женой и пасынком в курортном Ейске. Купили просторный бревенчатый дом с садом. Жаль, Советская власть не позволяла обзаводиться настоящим хозяйством или, скажем, собственным предприятием. Была в Иване Максимовиче некая предпринимательская жилка! Она-то его и сгубила... Когда в 1941 году Ейск заняли немцы, Поддубный взял да и открыл собственную бильярдную. А что? Можно же, не то что при коммунистах... “С нашей семьи достаточно, что пасынка на фронте в первые же дни войны убили, — рассуждал Иван Максимович. — Вон Маруся как горюет! А мне воевать поздно, возраст не тот. Я в их политику не лезу, никого не трогаю, так и меня пусть никто не трогает”. И ведь, что удивительно, не тронули! Ни немцы, хотя Поддубный расхаживал по улицам с орденом Трудового Красного Знамени на пиджаке, ни наши, когда освободили Ейск. А ведь могли бы и расстрелять как пособника фашистов! Впрочем, в бильярдную к Поддубному не одни только офицеры вермахта хаживали, но и русские люди. Бывало, шушукались о чем-то в задней комнате, а то и советское радио потихоньку слушали. Кто их знает, может, подпольщики? Единственным наказанием Поддубному за ту бильярдную был отказ ... выдать какой-то особый, дополнительный паек на питание. Власти ограничились продуктовыми карточками по литере “Б” (его получали после войны только нужные специалисты). Но разве к такому питанию привык Поддубный? “Я по килограмму хлеба за раз должен съесть, — страдая от голода, говорил он, — а эти сукины дети всего 500 граммов дают. Надо написать Ворошилову — пусть меня прикрепят к какой-нибудь воинской столовой”. Ворошилов отмалчивался — видать, доложили ему про бильярдную! И Поддубный, чьи предки жили до ста двадцати пяти лет, не дотянув и до восьмидесяти, стал заметно сдавать. А тут еще — неудачное падение, перелом бедра. Вынужденная неподвижность довершила дело. 8 марта 1949 года Ивана Максимовича не стало. Пышные похороны устраивать поостереглись. А у Марии Семеновны средств хватило только на простую табличку да оградку. Вскоре шум подняли американцы: как это, мол, так? Могила “Чемпиона Чемпионов” травой поросла! Дело кончилось памятником в городском парке: “Русскому богатырю Ивану Поддубному”. Ведь и правда богатырем был, хоть иногда и не того, политически безграмотным, в общем...